

Копосов Даниил Робертович

ОБ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Статья касается вопроса об изменениях лексического состава языка и представлений о словообразовательной структуре слова как причинах "расширения" орфографических формулировок и изменений во взглядах на частные орфографические проблемы в истории русского языкознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 112-115. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

- История марийской литературы.* Йошкар-Ола, 1989.
- Кондрашкина Е. А.* Динамика функционального развития марийского языка. М., 2008.
- Михайлов В. Т.* Концептуальные подходы к формированию содержания национального образования в Республике Марий Эл: исторический опыт и современность // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества. Бирск-Йошкар-Ола, 2007.
- Молотова Т. Л.* Об основных факторах формирования этнического характера марийцев // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2000. № 1.
- Сануков К. Н.* «Марийскому календарю» 100 лет // Там же. Йошкар-Ола, 2007. № 1.
- Сануков К. Н.* Национальные движения и этническое самосознание финно-угорских народов России // Там же. Йошкар-Ола, 1996. № 1.
- Сануков К. Н.* Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты // Там же. Йошкар-Ола, 1994. № 1.
- Сенеев Г. А.* Расширение ареалов расселения марийцев в XX столетии // История и культура марийского народа: прошлое и настоящее. Йошкар-Ола, 2000.

MARI LANGUAGE - A LONG WAY TO THE STATUS OF THE STATE ONE

Kondrashkina E. A.

*Nation-Language Relation Research Center of Institute of Linguistics of Russian Academy of Science
e.kondrashkina@inbox.ru*

Abstract. The history of functional development of the Mari language which passed a long and difficult way from the language of family-household dialogue in the XVIII century up to the state language of Mari El Republic in the XX century is analyzed in the article.

Key words and phrases: functional development; Mari language; family-household dialogue; state language.

ОБ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Копосов Д. Р.

*Кафедра истории русского языка и языкознания
Казанский государственный университет
dandocs@mail.ru*

Аннотация. Статья касается вопроса об изменениях лексического состава языка и представлений о словообразовательной структуре слова как причинах «расширения» орфографических формулировок и изменений во взглядах на частные орфографические проблемы в истории русского языкознания.

Ключевые слова и фразы: лексический состав языка; словообразовательная структура слова; орфографические формулировки; орфографические проблемы; русское языкознание.

Известно, что орфографическая норма есть явление динамичное, зависящее от изменений в структуре языковой системы. Как всякий «нормализующий» феномен, система правописания имеет «внешний», конвенциональный характер и закономерно оказывается зависимым, подчиненным уровнем с точки зрения внутренних изменений языка.

Также известно, что если выбор главенствующего принципа орфографической нормы в достаточной степени объективен и связан с внутренней сутью языка, его структурой, то выбор формулировки конкретного правила и, тем более, исключения носит много более субъективный характер, определяется частными наблюдениями «нормализаторов». Разумеется, наблюдениями не всегда полными и осмысленными.

В ряде случаев орфографическое правило создаётся вообще на «антиязыковой», противоестественной основе. Таково, на наш взгляд требование к варьированию написаний приставок на *-з* / *-с*. Очевидными его недостатками оказываются 1) несоответствие главенствующему принципу русской орфографии - морфологическому; 2) недостаточное логическое основание, обусловленное выбором в качестве принципа распределения утраченной языком оппозиции еровых (*сь-*) и безъерových приставок; 3) неуместное обобщение «под одним правилом» морфологически различных единиц - приставок *раз-*, *вз-/воз-*, *из-* и корневых морфем *низ* и *чрез/через*; 4) неразличение при детерминации написаний звуков и букв - сохранение в *безвкусный* и подобных приставочного *з-* перед глухими согласными корня (реакция на букву правила, подчинённого фонетическому принципу). Понятно, что такие наблюдения, сделанные из лучших побуждений и имеющие под собой примитивное логическое основание, усугубляют представление о русской орфографии - и о языке как об одном из сложнейших языков мира.

Есть, впрочем, и наблюдения иного рода - изначально тоже «избыточные» и формальные, они по прошествии определённого времени обнаруживают за собою отражение живых процессов, происходящих в языке, и позволяют косвенно обозначать основные векторы внутриязыковых изменений и гносеологических представлений о системе в целом, то есть актуализируются.

К таковым мы бы отнесли утверждение о том, что написание удвоенной буквы *n* в суффиксах причастий зависит от наличия в производящем глаголе приставки, ср.: «В суффиксах страдательных причастий прошедшего времени пишется два *n*; как правило эти причастия имеют (sic!) при себе приставки или пояснительные слова. <...> При отсутствии приставок или пояснительных слов обычно образуются имена прилагательные, в которых пишется одно *n*» [Розенталь, 1994, с. 67]. Судя по тому, что представление о виде производящего глагола как основании орфографической оппозиции возникает только в «примечании» к правилу: «Примечание 4. Два *n* пишутся в бесприставочных причастиях, образованных от глаголов совершенного вида» [Розенталь, 1994, с. 68], - предположим, что Д. Э. Розенталь полагает наличие приставки основным, более важным параметром при решении орфограммы.

Однако, оказываясь в одном ряду с таким мощным средством противопоставления полных причастий на *nn* и полных приглагольных прилагательных на *n*, как вид производящего глагола, указание на приставку выглядит, на первый взгляд, избыточным параметром, поскольку приставочные глаголы в подавляющем своём большинстве относятся к совершенному виду. С другой стороны, если иметь в виду бесприставочные глаголы совершенного вида типа *решить*, можно даже увидеть в дополнительном параметре, касающемся приставки, провокационный момент. Так, не возникнет ли опасности, что учащийся, привыкший отталкиваться от бинарных оппозиций, начнёт писать *решённый*, *конченный* и тому подобное с одной буквой *-n-* в суффиксе, руководствуясь отсутствием приставки в исходном глаголе? Тем более, что в том же «Примечании 4» оказываются и написания с удвоенной *n* в «немногих причастиях, образованных от глаголов несовершенного вида» [Там же]. Полагаем, что выносить зависимость выбора орфографического варианта от вида производящего глагола в примечание неуместно.

Верно ли, в таком случае, что от параметра «наличие в форме приставки» вообще можно отказаться? Как ни странно - нет. В виде примечания или комментария, но этот элемент правила должен, думаем, сохраняться, как и ряд других, подобных. Например, в пособии Копосовой и Николаева [Копосова, Николаев, 1993, с. 87] дополнительные параметры изъяты из правила полностью за очевидной, на первый взгляд, их ненужностью: вся обсуждаемая работа строится на чётком и логически выверенном морфологическом принципе, авторы учитывают не только морфемный состав слова, но и его словообразовательную природу.

Однако, как следствие, авторам данного пособия, вслед за предшественниками, включая и Д. Э. Розенталя, приходится оговаривать целый ряд исключений, таких как *считанные (секунды)*, *деланная (улыбка)*, *обещанная (помощь)*, *желанный (гость)*, с одной стороны, и *посажённый (отец)*, *названный (брат)* и так далее - с другой. Традиционным «объяснением» для подобных «исключений» является их семантическая соотнесённость с результативным действием (то есть с «отсутствующим» формально глаголом-омонимом совершенного вида). Так, *считанные* объясняют посредством семантической связи с *сосчитать*, *деланная* - с *сделать* и так далее. В подобном переосмыслении можно видеть факт чересступенчатого семантического словообразования, и, следовательно, единицы, подобные названным, укладываются в рамки морфемного принципа орфографии, хотя и опосредованно. То есть «привязка» удвоения суффиксальной согласной к семантике результативности испытывает здесь серьёзную проверку отсутствием непосредственного производящего глагола совершенного вида. Одновременно подобные написания устанавливают корреляцию с фонетическим и традиционно-историческим принципами.

В том же комплексе исключений оказываются и образования типа *подержанные вещи*, *поношенная одежда* и подобные. Эти формы большинство исследователей подаёт именно как исключения, то есть написания, основанные на другом по сравнению с базовым правилом принципе - традиционно-историческом. Конкретное объяснение в каждом случае так или иначе сводится к утрате производным причастием, впоследствии «переходящим» в прилагательное, связи с производящим глаголом - *поносить*, *подержать* и так далее. Деэтимологизация, таким образом, оказывается основанием для возникновения исключений. Но только ли выход из употребления производящего глагола сказывается на возникновении исключения?

Полагаем, что в отдельных случаях не меньшее значение играет существование развитой глагольной словообразовательной синонимии, в частности, «приставочной». Так, наряду с предполагаемым *поносить* = «испортить, привести в негодность одежду, обувь» (как производящим для *поношенный*) известны просторечные *заносить* и *сносить* с близкими лексическими значениями и соответствующими производными *заношенный* и *сношенный*. Одновременно для обсуждаемого *поношенный* через посредство этих синонимичных единиц устанавливается структурно-семантическая корреляция с *затасканный*, *замаранный*, *загаженный* и так далее - через посредство приставочной синонимии к *измаранный*, *излячканный*, *спорченный*, *страченный*. «Приставка», если можно так выразиться, начинает взаимодействовать с суффиксальной словообразовательной моделью причастия, естественно конкретизируя последнюю до семантики «негативный признак, полученный в результате внешнего воздействия». Утрата непосредственного производящего, так сказать, компенсируется расширением модели, а следовательно, роль приставки в интерпретации орфограммы возрастает.

С позиций этих принципов, следует, видимо, рассматривать и другие похожие случаи, такие как *стяжённый*, *ухоженный*, *угнетённый*, *заснеженный* и так далее. Однако даже из приведённого краткого перечня примеров становится видно, что последнее образование в нём отличается от предшествующих.

Действительно, форму *стяжённый* можно, упростив исходные отношения, соотнести с глаголом *стянуть*, тем самым «подогнав» под рамки основного правила, а для *ухоженный* и *угнетённый* «вспомнить» утраченные современным языком глаголы совершенного вида *уходити* (ср.: «Уходили сивку крутые горки») и *угнести*. В случае же с *заснеженный* возникает соблазн установления двоякой соотнесённости: с глаголом *заснежить* и с существительным *снег*. Тем более что названный глагол в современной русской норме не фиксируется - отсутствует в словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова (и только в последнем представлена форма с орфограммой - *заснежённый*), а следовательно, форма может интерпретироваться как конфликтное прилагательное от существительного *снег*. Тем не менее, наличие безличного глагола *заснежить* в форме *заснежило* в Московском областном словаре и установление лексико-семантической и структурной корреляции между формой *заснеженный*, с одной стороны, и формами *запорошенный*, *запруженный* - с другой - не позволяют «отмахнуться» и от соотнесённости с глаголом. В зависимости от устанавливаемой соотнесённости будет находиться и интерпретация содержащейся в форме орфограммы.

Стоит отметить, что генетически большинство обсуждаемых единиц представляет собой осложнение суффиксом *-н* краткой суффиксальной формы типа *сброшень*, *угнетень*, *стяжень* и так далее, то есть описываемое нами применительно к орфограмме прямое отношение между глаголом и полным причастием / прилагательным исторически оказывается косвенным, опосредованным отношением. Ср.: «Страдательные причастия прошедшего времени выражались по нормам старого языка при помощи двух суффиксов: *-н* и *-т*» [Обнорский, 1953, с. 201] и «Что касается полных причастий страдательного залога, то они, образуясь от кратких с помощью указательного местоимения *и*, полностью сохранились как причастия в современном языке. Внимания здесь заслуживает, пожалуй, один факт - появление в суффиксе страдательного причастия прошедшего времени удвоенного *н* (например, *посланный*, *сработанный* и т.д.). Появление такого удвоенного *н* связано с тем, что приблизительно с XVII в. причастия с суффиксом *-н*, выступая в роли определений, становились прилагательными и совпадали с соответствующими отглагольными прилагательными, образованными некогда с помощью суффикса *-ьн-* > *-н*, т. е. такие причастия, как *кошеное* (сено), *розоренье* (города), совпали с такими прилагательными, как *указный* (срок), *отсрочная* (челобитная) и т.п. В силу этого в языке должно было выработаться и выработалось новое средство отличия причастий от прилагательных - этим средством явился вторичный суффикс *-ьн-* > *-н* в причастных формах: *повел-ьнная*, *неписанный* > *повеленная*, *исписанный* и т.д.» [Иванов, 1989, с. 362].

Прямую соотнесённость с глаголом, таким образом, будут иметь только недавно образованные единицы, а весь механизм различения причастия и прилагательного и принцип работы с орфограммой окажутся результатом переосмысления древних отношений. Таким образом, видим, что лингвистическая интерпретация данной орфограммы определяется характером представлений о соотнесённости единицы с другой частью речи и изменяется при смене этих представлений. В этой связи оказывается важным следующее.

Изменение в восприятии словообразовательной структуры единиц, содержащих орфограмму, приводит к актуализации новых интерпретаций существующих орфограмм не в меньшей степени, чем изменение собственно языкового, онтологического материала. Применительно к обсуждаемой проблеме (*н* и *нн* в суффиксах прилагательных и причастий) это означает, что такой параметр различения, как «наличие приставки» в настоящее время обретает большую значимость, нежели прежде, в силу переосмысления ряда единиц как конфликтных словообразовательных дериватов от имён существительных, а само переосмысление обусловлено выходом из употребления соответствующих соотносительных глаголов. Полагаем, что при формировании нового орфографического свода такие параметры выбора написания с *н* и *нн*, как вид производящего глагола и наличие / отсутствие приставки у производного образования, должны быть рассматриваемы отдельно друг от друга и в равном объёме.

Возможно, стоит развить данную мысль, включив в перечень параметров не «приставку», а «представление о сложном по структуре характере словообразовательного производного» - объединив конфликтацию и морфемное сложение. В этом, последнем случае появится основание включить в единый перечень объяснимых исключений формы типа *доморощенный* и им подобные.

Таким образом, при динамической интерпретации орфографического материала следует учитывать не только онтологический, но и гносеологический аспект, опираясь на всю совокупность данных о единице - как лексико-словообразовательных, так и собственно морфологических.

Список литературы

- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 401 с.
 Копосова Н. А., Николаев Г. А. Структура слова и орфография русского языка: учебное пособие. Казань: Изд-во КГУ, 1993. 149 с.
 Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 251 с.
 Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. 368 с.

ABOUT SPELLING INTERPRETATIONS

Koposov D. R.

Department of Russian Language History and Linguistics
Kazan State University
dandocs@mail.ru

Abstract. The problem of the changes of language lexical structure and the ideas concerning the word-formation structure of a word as the reasons of spelling formulation "expansion" and changes of opinions concerning particular spelling problems in the history of Russian linguistics is considered in the article.

Key words and phrases: lexical structure of language; word-formation structure of word; spelling formulations; spelling problems; Russian linguistics.

СЛОЖНОСТЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ГЕРОЕВ РОМАНА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Кузнецова Е. В.

Кафедра русской классической литературы
Магнитогорский государственный университет
j.kuznecova@mail.ru

Аннотация. В статье сложность поведения героев Достоевского рассмотрена в соответствии с аксиологическим аспектом. Внимание сосредоточено на неоднозначности «красоты», в которой угадываются свойства полноценного идеала как ценности высшего порядка. Носителями красоты выступают в романе Настасья Барашкова и князь Мышкин. У первой красота питается сочетанием гордости и страдания. На примере центрального героя выясняется, что для действительности этого идеала принципиально примиряющее воздействие третьего начала - смирения. Без участия стихии страдания гордость может оборачиваться лишь жизненной нормой, страдание - подниматься на уровень ценности, и лишь смирение позволяет красоте обретать статус идеала.

Ключевые слова и фразы: герои Достоевского; аксиологический аспект; неоднозначность «красоты»; полноценный идеал; ценность высшего порядка; центральный герой.

В романах Достоевского для любого героя (за исключением эпизодических) можно определить своего рода "аксиологическую позицию". Она может пониматься как комплекс свойственных персонажу аксиологических ориентиров (норм, ценностей и идеалов). Сложность психологии и поведения героев Достоевского находит себе соответствие в аксиологической сложности. И дело не только в том, что по своему составу сложны сами упомянутые комплексы ориентиров. По замыслу автора, под влиянием сюжетных событий у героев на сознательном и подсознательном уровнях идут процессы *переоценки ценностей*. Наиболее яркое выражение это находит в том, что нормы, ценности и идеалы могут как бы подменять друг друга. Можно также предположить, что сложность и динамичность аксиологической позиции героев бывает обусловлена у Достоевского и подвижными, меняющимися приоритетами. Как ложные, так и истинные идеалы, ценности или нормы могут по-разному сочетаться, вступать в конфликт друг с другом, а также меняться в своём собственном значении. Попробуем найти этому подтверждения в художественном мире романа "Идиот".

Прежде всего обратим внимание на такой значимый в этом романе ориентир как *красота*. В нём угадываются свойства подлинного идеала. Достоевский не раз утверждал необходимость идеала для человека, прежде всего духовного. В «Идиоте» носителем идеала писателя выступает князь Мышкин. Ему приписано высказывание о том, что «красота спасёт мир», которое стало крылатым афоризмом. Отсюда следует, что красота при этом понимается именно как идеал, а не ценность или норма. Ведь «спасти мир» - задача очень масштабная.

В романе красота «загадочна», поскольку связана с очень разными признаками, а также с разным возможным воздействием на людей и на окружающий мир. Сам Мышкин избегает прямо «судить о красоте», однако автор, во-первых, раскрывает в ремарках особенности восприятия ее героем. Например, вот какое впечатление оказывает на Мышкина портрет Настасьи Филипповны: «Это необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо сильнее еще поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти